

Завоевание всегда оставалось для человечества главным способом утвердить свое господство в галактике. И пусть жизнь в столице текла мирно и безмятежно, новые рубежи расширялись лишь ценой пролитой крови солдат правительственных войск и скрежета боевых мехов. Война не знала передышек, а потому маршал Йоханнес Зект был обязан в кратчайшие сроки вернуться на передовую. Но перед отбытием он поручил своему самому доверенному адъютанту разобраться с делом Эрвина Германа.

В конце концов, именно этот беглец оставался его главной головной болью.

Когда капитан Галин получил приказ, его подразделение вело боевые действия на планете SWEEPS-63926-е. Этот гигант с вполне комфортным климатом кишел ядовитыми змеезубыми зверями, совладать с которыми порой не удавалось даже тяжелым крейсерским мехам. Галин со своим отрядом застрял здесь уже на целый год, так что солдаты давно начали воспринимать эту затянувшуюся зачистку как своего рода загородный отпуск в перерывах между настоящими сражениями.

Когда военный транспорт наконец пришвартовался в столичном космопорту, ветераны, истосковавшиеся по мирной жизни, вдохнули забытый воздух цивилизации. Сияющая роскошь и суeta столицы заставили их почувствовать себя дикарями, только что выбравшимися из глухого средневековья.

— Хоть бы этот преступник первой категории подольше побегал, — пробасил Солиманс. — Уж очень не хочется возвращаться на фронт так быстро.

Этот чернокудрый гигант, стоя на палубе, своей монументальной фигурой напоминал настоящую скалу.

Лейтенант Эрик хмыкнул и беззлобно поддел товарища:

— Раскатал губу. Столица — это тебе не фронтовой рубеж. Да, омеги здесь разгуливают по улицам совершенно свободно, но, поверь мне, они пресные, как дистиллированная вода.

— Пресные? Это как?

— Именно, — ухмыльнулся Галин, вклиниваясь в разговор подчиненных. — Местным омегам плевать на твои рельефные мускулы. Всё, чего они хотят от альфы, — это обсудить квартальный отчет или рабочий регламент.

— А вон та? Тоже омега? — Солиманс, редко бывавший в столице, с любопытством провинциала кивнул в сторону причала.

Он указывал на женщину, которая ждала у роскошного представительского лимузина. Судя по всему, она прибыла встретить их.

После того как человечество разделилось на три основных пола, проявился любопытный эволюционный феномен: чистокровный облик древних людей сохранили лишь альфы и омеги. Беты же унаследовали размытые, усредненные черты, больше напоминающие потомков от смешанных браков далекого прошлого. У этой женщины были вьющиеся каштановые волосы, серые глаза и смуглая, медового оттенка кожа. Тонкие губы выдавали в ней типичную бету.

Галин промолчал. Лишь поправил воротник парадного мундира и жестом приказал подчиненным поторопиться.

— Рада приветствовать вас, — произнесла женщина, протягивая руку для рукопожатия. — Вице-председатель Ассоциации академий, Анни Шуберт.

— Рад новой встрече, госпожа Шуберт. Капитан Галин, дивизион мехов сил Федерации.

— Прошу в машину, — Анни распахнула дверцу лимузина и приглашающим жестом указала на салон.

Глядя на то, как сухо и деловито бета-женщина держится с их командиром, Солиманс окончательно убедился, что шутка Эрика имела под собой вполне реальную почву.

Молодые офицеры привыкли к яркой, бьющей через край жизни, поэтому едва лимузин тронулся, они тут же заклевали носами под монотонный бубнеж командиров. Заметив это, Анни Шуберт постучала костяшками пальцев по спинке сиденья, призывая их к порядку:

— Когда прибудем в Ассоциацию, каждый получит по пакету документов. Настоятельно рекомендую изучить их до единого слова. Это существенно облегчит выполнение нашей общей задачи.

Галин деликатно дал ей понять, что эти попытки тщетны:

— Мы только что вернулись с передовой, госпожа вице-председатель. Поверьте, сейчас ядовитые твари интересуют этих парней куда больше, чем какой-то беглый преступник первой категории. Разрешите мне отпустить их в увольнение на пару часов? Обещаю, все ваши инструкции я приму лично и распределю задачи должным образом.

— Буду признательна, — Анни сняла очки и устало потерла переносицу. — Тогда жду ваш отряд завтра в шесть утра без опозданий.

Как только машина остановилась, Галин объявил об увольнительной. Великодушная госпожа Шуберт разрешила солдатам воспользоваться лимузином, и ошалевшие от радости вояки с громким гиканьем покатали в сторону развлекательных кварталов под недоуменными взглядами столичных прохожих.

— Прошу за мной, — Анни приложила карту-ключ к терминалу на входе в монументальное здание Ассоциации академий. — Похоже, вам придется провести здесь как минимум одну ночь. Надеюсь, вам у нас понравится.

Ну уж нет, ни один здравомыслящий военный в жизни не полюбит эти стены! Коридоры Ассоциации казались белее, чем залы заседаний парламента, а интерьер любой комнаты до боли напоминал стерильный офис. И пусть это место славилось редким для империи идеальным гендерным балансом один к одному, раем для альфы оно точно не было. Едва переступив порог, капитан Галин поморщился от ударившего в нос, почти осязаемого запаха строгой, выверенной аскезы.

Анни вела его все глубже в недра комплекса, пока они не остановились перед бронированными дверями лифта со строгим контролем доступа. Едва кабина закрылась, они на бешеной скорости устремились вниз, под землю, без единой остановки. Подземные коридоры ничем не отличались от верхних ярусов, разве что пугающей, звенящей пустотой.

Анни активировала свой биочип, отправляя запрос на сопряжение с нейросетью Галина.

\* «Прими карту сектора»\*

Галин послушно моргнул, подтверждая передачу данных. Этот колоссальный подземный уровень по масштабам едва ли уступал наземной части комплекса. Ассоциация академий всегда считалась самой состоятельной структурой в государстве, и Галин, как представитель вечно урезаемого в бюджетах оборонного ведомства, невольно почувствовал укол острой зависти.

— Ну же, госпожа Шуберт, здесь ни души, — усмехнулся Галин, нарушая молчание. — Вы и дальше планируете разыгрывать эту комедию с официальным тоном, будто мы едва знакомы?

Анни лишь коротко зыркнула на него, призывая к молчанию:

— Вон тот герметичный бокс впереди — место, где содержался Эрвин Герман.

— Бывшее место, — съязвил Галин.

— Язвительность тебе не идет, — отрезала женщина.

Изолятор находился в самом сердце подземного комплекса. Судя по трехмерной проекции, он представлял собой полностью изолированный блок, окруженный односторонними шлюзами. Каждая дверь требовала строжайшей верификации. Любая ошибка в правах доступа или попытка пойти против вектора движения мгновенно активировала протокол тревоги. Когда они наконец преодолели этот запутанный лабиринт, перед ними вырос исполинский, абсолютно прозрачный купол яйцевидной формы.

— Вот она, наша секретная камера, — произнесла Анни.

Глядя, как пальцы беты порхают над сложнейшей панелью набора кодов, Галин хмыкнул:

— Скажите честно: неужели кусок замороженного серого вещества действительно способен взломать систему такой сложности и выбраться отсюда?

— Строго говоря, он не был просто замороженным мозгом, — возразила Анни. — С помощью направленной фармакотерапии и тончайшего хирургического вмешательства мы лишь заблокировали его синапсы и разорвали нейронные связи с телом. Но сам организм функционировал. Современные технологии пока не позволяют поддерживать полноценную жизнедеятельность изолированного мозга вне тела.

— Вы, ученые, форменные садисты, — Галин зашагал следом за ней внутрь купола.

Внутри изолятора не было ровным счетом ничего, кроме массивного медицинского кокона — капсулы жизнеобеспечения. Стены камеры были настолько гладкими, что на них невозможно было отыскать даже шляпку заклепки. Отсюда не то что парализованный старик — здоровый, подготовленный боец не сумел бы совершить побег.

— Есть лишь одно рациональное объяснение, — Анни заблокировала за ними дверь и извлекла из папки увесистую пачку распечаток. — Он просчитал этот сценарий еще полвека назад. Предугадал циклы солнечной активности, ведущие к мощнейшей ядерно-магнитной буре, досконально изучил алгоритмы системы Оуэн и скользнул сквозь лазейку прямо у нас под носом.

— Звучит жутковато, — передернул плечами Галин.

— Ничего удивительного. В конце концов, систему Оуэн создал именно он.

У капитана от удивления округлились глаза:

— Что?! Архитектуру Оуэна написал Герман?!

— Не только ее. Семьдесят лет назад именно этот человек убрал лимит на регенерацию клеток при генной терапии, практически подарив человечеству бессмертие.

— Если все это правда, то, при всем уважении, его гений оставляет ваши заслуги далеко позади.

— Разумеется, — спокойно кивнула Анни. — Ведь он был моим учителем.

Галин ошеломленно замолчал, переваривая услышанное.

— Когда я только поступила в Академию, он возглавлял исследования в области биоинженерии. Именно Эрвин открыл передо мной двери в этот мир, вдохновив на создание биочипов, способных выдержать колоссальные вычислительные нагрузки системы Оуэн. Все свои аспирантские годы я провела под его крылом... Я знала его как никто другой. Я никогда не сомневалась, что рано или поздно он найдет способ сбежать, но не думала, что это случится так быстро. Всего-то пятьдесят лет...

Анни почувствовала, что голос ее предательски дрогнул. Сделав глубокий вдох, она взяла себя в руки и продолжила уже холодным, профессиональным тоном:

— Во время пика ядерно-магнитной бури квантовые каналы связи дали микроскопический сбой. Пытаясь компенсировать помехи, система Оуэн запустила процедуру обновления шифрования ключей. Полагаю, именно в этот краткий миг он внедрился в ядро системы и перехватил управление. Посмотри сюда.

Она указала пальцем на коммутационный разъем на корпусе капсулы жизнеобеспечения.

— Это порт датчиков мозговой активности. Уверена, точку входа он организовал именно через него.

— И первым делом обрушил всю правительственную инфраструктуру... Да уж, старик явно питает к военным глубокую, искреннюю ненависть. Маршал не рассказывал вам? Наш тактический контур до сих пор лихорадит. Командование требует, чтобы я отыскал и вернул беглеца до начала следующей крупномасштабной экспедиции.

— Какая поразительная наивность, — скептически хмыкнула Анни.

Она вытащила из сумочки небольшую глянцевую карточку и протянула капитану.

— После того как его действия квалифицировали как преступление первой степени, Ассоциация стерла все упоминания о Германе из баз данных, включая фотоархивы. Просто посмотри. Но предупреждаю: никакого сканирования или копирования в память твоих имплантов.

— Хм... — протянул Галин, принимая снимок.

— Что-то не так?

Офицер не мигая смотрел на карточку.

— Да нет, ничего... Просто... Чертовски красив. Для альфы это выглядит... интригующе.

И капитан вовсе не пытался шутить. Черты лица Эрвина Германа на старой фотографии действительно поражали изяществом, а мягкий, едва уловимый изгиб губ и теплый взгляд лишали покоя любого альфу, пробуждая в нем первобытные инстинкты обладания.

— Невероятно притягателен, — негромко продолжил Галин, возвращая карточку. — Вот только представь на секунду: ты гений, тебя предаёт любимая ученица, обрекает на полный паралич и запирает в этой банке на полвека. На его месте я бы не просто разозлился. Я бы мечтал свернуть тебе шею собственными руками. Так что, Анни, маршал прав: нам действительно стоит поторопиться. Пока твой бывший наставник не превратил оборонную сеть в грудку хлама или не добрался лично до твоего горла.

Анни промолчала, помрачнев.

— Забирай свое фото, я... Твою мать! А-а-а! — Галин внезапно схватился за лицо. — Опять твои дурацкие замашки! Прекрати брызгать в меня этой дрянью без предупреждения! Вы там в своей Ассоциации совсем с ума посходили? Тратите армейские успокоительные так, словно они из-под крана текут!

— Заткнись, — холодно оборвала его Анни.

\*\*\*

— Какого дьявола?! — На затерянной на самом краю освоенного космоса планете лейтенант Герс Шлиффен испустил точно такой же яростный вопль. — Какого хрена ты опять прыскаешь в меня своим успокоительным?!

— А зачем ты подкрадываешься со спины вместо того, чтобы сидеть у себя в комнате? — Эрвин раздраженно развернул кресло. Поведение незваного гостя казалось ему верхом беспардонности.

— У моего планшета села батарея! Этому клоповнику лет триста, здесь нет ни единого современного разъема! Единственный рабочий порт питания во всем доме — на твоей чертовой коляске! — Шлиффен с остервенением вытирал мокрое лицо рукавом куртки. — Я просто пришел подзарядить прибор! Понимаешь?! Просто! Зарядить! Планшет!

— Разве вы, военные альфы, не используете успокоительные аэрозоли ежедневно? — Эрвин резко крутанул джойстик кресла-каталки, пытаясь отъехать, но упрямый лейтенант уже успел воткнуть кабель питания в гнездо. Картина выглядела комично: немощный старик на колесах пытался скрыться от грозного конвоира, который волочился следом за ним на привязи короткого шнура.

— Мы не заливаем им глаза! — свирепо огрызнулся Шлиффен. — И что это за термоядерный концентрат у тебя в баллоне? Мята?! Я терпеть не могу мяту! Воняет как дешевый освежитель для унитаза!

— Замолчи, иначе я отключу внешнее питание, — ледяным тоном предупредил Эрвин, из последних сил сдерживая гнев.

— Следи за языком, дед! — Шлиффен тоже завелся не на шутку. — Я не обязан терпеть твои капризы и издевательства!

Последующие три минуты прошли в гробовом, удушающем молчании, прерываемом лишь тихим гудением трансформатора. Когда индикатор на планшете наконец мигнул зеленым и Шлиффен потянулся к проводу, он заметил, что Эрвин пристально, не отрываясь, смотрит на его запястье.

— Чего уставился? — буркнул лейтенант.

— Твой дисплей... Разве его нельзя отсоединить от порта для зарядки отдельно? — негромко спросил Эрвин.

Шлиффен посмотрел на старика как на сумасшедшего:

— Это биологический интерфейс. Порт проектора вживлен в нервные окончания, его можно удалить только хирургическим путем в стационаре. Ты что, из каменного века вылез?

Взгляд Герса скользнул по бледным кистям Эрвина, и он осекся. На коже старика не было даже следов от портов сопряжения. Ни шрамов, ни гнезд.

Осознание собственной оплошности заставило Эрвина болезненно поморщиться. Тон его мгновенно стал резким и высокомерным:

— Неважно. Моя рука соскользнула. Верни ее на подлокотник.

Когда Эрвин попытался уклониться от назойливого альфы, его левая, свободная от наручников рука безвольно соскользнула с опоры и теперь плетью свисала вдоль колеса. Шлиффен на приказной тон никак не отреагировал — лишь одарил старика тяжелым взглядом и молча вышел из комнаты.

Напряжение в пыльном помещении можно было резать ножом.

Спустя минуту лейтенант вернулся, держа в руке узкую стальную пластину. Перед тем как приблизиться, он тщательно протёр металл полый своей форменной куртки.

— Нашел в соседней комнате, — сухо пояснил он.

Подцепив пластиной безжизненную кисть ученого, Шлиффен аккуратно, стараясь не касаться кожи руками, водрузил ее обратно на пластиковый подлокотник.

— У тебя там ссадина, — буркнул Герс, убирая импровизированный рычаг.

— Пустяки, — равнодушно отозвался Эрвин. — Всё, что ниже шеи, для меня не существует. Я ничего не чувствую.

Шлиффен молча развернулся, ушел в свою каморку и отыскал в походном рюкзаке пустой автоматический шприц-аппликатор из-под эссенции первой помощи. Тщательно промыв его остатками питьевой воды, он вернулся к коляске и протянул Эрвину пустую колбу.

— Прысни сюда немного успокоительного.

— Зачем? — Эрвин посмотрел на него с явным подозрением.

— Да не мне в лицо, твою мать! — взмолился Шлиффен, чувствуя, что его терпение на исходе.  
— Впрысни жидкость внутрь дозатора!

— А, — безучастно отозвался ученый и нажал на клапан распылителя.

Шлиффен набрал несколько капель маслянистого состава в шприц и, не колеблясь, ввел раствор себе в вену на сгибе локтя.

Эрвин наблюдал за этой процедурой с нечитаемым выражением лица.

— Что? — раздраженно бросил лейтенант, перехватив его взгляд.

— Ничего, — тихо ответил Эрвин и отвел глаза.

На этот раз ученый не стал протестовать. Он безучастно смотрел, как Шлиффен бережно поднимает его изувеченную руку, готовясь обработать рану.

— Точно ничего не чувствуешь? — на всякий случай уточнил лейтенант, доставая антисептик.  
— Сейчас будет щипать.

— Абсолютно, — подтвердил Эрвин.

Царапина оказалась поверхностной. Обладая навыками полевой медицины, Шлиффен наложил аккуратную повязку в считанные секунды.

— Спасибо, — негромко произнес Эрвин, когда лейтенант закрепил край бинта.

— Не за что, — отрезал Шлиффен, убирая медикаменты. — Я солдат, а не палач. У меня нет привычки измываться над калеками.

<http://bllate.org/book/18311/1756264>